

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

события, оценки, прогнозы

Выпуск 44(60)
2017

СОДЕРЖАНИЕ

**РОССИЯ И ЗАПАД:
ПЕРСПЕКТИВЫ КОМПРОМИССА**
Владимир Чернега

**ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ:
ПУТИ ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД**
Армин Штайгис

**ЗНАЧЕНИЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДЛЯ США, ЕС И РОССИИ**
Арсен Гукасов

**СОВРЕМЕННЫЕ КОНТУРЫ
ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ НАТО**
Дарья Миронова

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

РОССИЯ И ЗАПАД: ПЕРСПЕКТИВЫ КОМПРОМИССА

Владимир Чернега,

ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН,

доктор юридических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник

Ключевые слова: Россия; Запад; конфронтация; холодная война; кризис; противоречия; интересы; суверенитет; компромисс.

Нынешнюю конфронтацию между Россией и Западом многие политики и эксперты склонны характеризовать как новую «холодную войну». Правильнее, однако, назвать ее глубоким кризисом их взаимоотношений. Это терминологическое различие предполагает иной вариант развития ситуации, чем в первом случае. Настоящая «холодная война», стоит это напомнить, была результатом соперничества двух противоположных идейно-политических и экономических систем, которое, несмотря на имевшие место разговоры о «конвергенции» последних, закончилось самоликвидацией одной из них.

Принципиальное отличие сегодняшней ситуации состоит в том, что, как показано ниже, указанный кризис включает в себя идеологическую компоненту, но в рамках одной и той же капиталистической парадигмы. В целом же он стал результатом накопления ряда противоречий объективного характера, а также ошибок, допущенных с двух сторон, особенно Западом. Такой сплав должен был привести и привел к противостоянию, а конфликты на Украине и в Сирии лишь придали ему острую форму.

К противоречиям объективного характера следует отнести прежде всего разнонаправленность общественного развития на Западе и в России, проявившуюся еще в конце 90-х годов XX в. и ставшую очевидной в 2000-е годы. Крушение СССР и коммунистической системы способствовали ускорению процесса капиталистической глобализации, двигателями которой явились транснациональные корпорации (в первую очередь самые мощные из них – американские). На начальном этапе этот процесс требовал определенной унификации правил и норм главным образом в производственной, финансовой, банковской областях. Однако впоследствии он начал все больше затрагивать также культурную и идейную сферы на базе западных либеральных ценностей, которые были объявлены универсальными для всех времен и народов, независимо от этапа развития.

Как представляется, это происходило бы в любом случае, поскольку диктовалось логикой данного процесса, но триумфализм, порожденный на Западе вследствие исчезновения альтернативной

идеологии, сыграл роль катализатора. В конечном счете речь шла о стирании этнических, культурных, религиозных различий и о создании некоего «универсального человека». Все более условными должны были становиться и национальные границы. В практическом плане одним из последствий все более масштабного внедрения в западный глобалистский проект «ценностной» компоненты стала возросшая идеологизация внешней политики США и их союзников.

Наиболее наглядно эти процессы проявились в рамках ЕС. Сохранивший еще в 80-е годы свой первоначальный характер главным образом «Общего рынка», т.е. экономического проекта, в 90-е годы он значительно усилил свое идеологическое измерение. Выведение на первый план «ценностей» должно было, с одной стороны, способствовать созданию «европейской общности» и «европейского человека», но, с другой – облегчать геополитическую экспансию на Юг и Восток Европы. Ведь «ценностный» подход позволял закрыть глаза на то, что многие страны этих субрегионов экономическим критериям ЕС не соответствовали.

Следует также отметить, что в контексте «победы» и сама западная либеральная идеология приобрела новое качество. Демократия и права человека превратились в своего рода светское верование, почти вытеснившее традиционную религию, а индивидуальное самоутверждение и удовольствие окончательно возобладали в качестве стержневого элемента образа жизни. В ряду «ценностей» все более заметное место стали занимать политкорректность, начавшая играть роль цензуры и самоцензуры, доведенная до абсурда защита прав сексуальных меньшинств, гендерная теория, утверждающая, что существование двух полов является «не фактом природы, а фактом истории». Одновременно данная идеология стала более агрессивной, любые сомнения в отношении тех или иных ее аспектов в лучшем случае объявлялись проявлениями отсталости или популизма, в худшем – расизма, шовинизма, гомофобии, «сексизма» и т.п.. Альтернативным точкам зрения стало все труднее проникать в ведущие СМИ, что отсекало их от широкой аудитории.

Все более глобализированные экономические интересы вкупе с верой в применимость либераль-

ных ценностей в любом обществе и триумфализмом побудили США и их союзников к рискованным геополитическим проектам, нацеленным на форсированный «экспорт» западной системы – от организации или поддержки «цветных» революций в ряде стран до вооруженных интервенций с целью смены режимов. Причем, как известно, если вторжение в Ирак в 2003 г. еще вызвало разногласия между США, с одной стороны, Францией и Германией – с другой, то свержение с помощью внешнего военного вмешательства режима Каддафи в Ливии в 2011 г. произошло при одобрении практически всех западных стран.

Наряду с прочим этот факт свидетельствовал о том, что транснациональная либеральная тенденция объединила доминирующие фракции западных элит. Стоит отметить также, что в ходе глобализации начала складываться и мировая транснациональная элита, в основном включавшая представителей американских и западноевропейских элит. Ряд западных экспертов заговорили в этой связи о том, что основное противоречие современной эпохи – это противоречие между все более транснациональным характером мировой экономики и национальными государствами, разрешить которое можно лишь путем интеграции национальных элит в мировую элиту¹.

В России после 90-х годов, которые большинство населения пережило как национальную катастрофу, развитие пошло по иному пути. Хотя на сей счет написано и сказано много, стоит все же отметить некоторые аспекты. В массовом сознании россиян, не отягощенном влиянием демократических традиций, не закрепилась связь между демократическим устройством и процветанием. Ненависть к новому классу богатых, выросшему, по мнению большинства, на воровстве и коррупции, не позволяла утвердиться принципу незыблемости частной собственности, необходимому для становления подлинно рыночной экономики.

В условиях утраты прежних морально-нравственных ориентиров резко выросла роль православной церкви – единственного института, предлагавшего в новых условиях систему нравственных ценностей. Хотя большинство граждан не стали действительно верующими, православная традиция воспринималась многими как часть новой русской идентичности, которая формировалась на месте советской идентичности. Тяготение православной церкви к «сильному государству», к «державности» также импонировали значительной части населения.

После «демократического хаоса», олигархической «семибоярщины» и явного ослабления государственных институтов приход к власти лидера, исповедующего государственническую, «державную» идеологию, был если не неизбежным, то очень вероятным. С 2000 г. в стране началось ук-

репление «вертикали власти», которое быстро привело к восстановлению извечной российской ситуации – полному доминированию государства над гражданским обществом и индивидом. В экономике начал господствовать государственный капитализм, через какое-то время государственные корпорации (или корпорации с государственным участием) производили более 70% ВВП.

Произошла также трансформация российских элит. По сути, дальнейшее развитие страны все меньше определялось институтами гражданского общества, политическими партиями и частным капиталом и все больше – высшей чиновничьей номенклатурной прослойкой, которая стала распоряжаться основными ресурсами страны. Если раньше деньги и собственность порождали власть, то теперь наоборот – власть порождала и то, и другое. Академик РАН Ю.С. Пивоваров, исследовавший эту новую «номенклатурную революцию», назвал данный феномен «властесобственностью»². В политическом и идеологическом плане он подкреплялся концепциями «управляемой» или «суверенной» демократии.

Вполне естественно, что новые элиты возвели национальный суверенитет в некий абсолютизм. Он тем более должен был стать важнейшей частью новой российской парадигмы, поскольку после периода определенного улучшения жизни большинства населения с 2008 г. в стране проявились экономические трудности, отчасти связанные с мировым финансовым и экономическим кризисом, но во все большей мере – с неэффективностью избранной экономической модели, в основном опирающейся на экспорт энергоресурсов. Позже к этим факторам добавились западные санкции. Вновь обострились проблемы бедности и социального неравенства. «Суверенизация», «державность», апелляция к патриотизму, к православным духовным ценностям должны были стать в данном контексте своего рода скрепой российского общества.

Таким образом, внутреннее развитие России объективно все больше входило в противоречие с отмеченной выше глобалистской транснациональной тенденцией на Западе, основанной на либеральных ценностях. Это расхождение усугубилось, когда Россия начала вести «державную» политику за пределами своих границ (Грузия, Украина, Сирия).

Следует все же заметить, что процесс «суверенизации» России мог бы и не принять столь абсолютную форму. В 90-е годы и в начале 2000-х годов российские элиты пытались в той или иной мере интегрироваться в западную элиту, но на своих условиях, с сохранением тех правил ведения бизнеса и политики, которые сложились в России, и с признанием российских интересов на постсоветском пространстве. Но Запад на это не пошел. Прежде всего

¹ См. например: Rothkopf D. La caste. Les nouvelles élites et le monde qu'elles nous préparent. Paris, Ed. Robert Laffont, 2009, p. 12.

² Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. Москва – Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга, 2015, с. 169.

сыграл свою роль отмеченный выше триумфализм: Россия должна была играть по западным правилам и вести себя не как равный партнер, а как «прилежный ученик». Разумеется, ни о какой «державности» не могло быть и речи. Более того, в 1995 г. администрация Б. Клинтона приняла принципиальное решение о расширении НАТО.

Разумеется, предлог для расширения был самый благородный, отвечавший «ценностному» подходу – демократическая воля соответствующих народов. При этом были проигнорированы уроки истории, показывающие, что попытки малых стран получить в рамках какого-то альянса абсолютную защиту в ущерб безопасности соседу – великой державе в конечном счете практически всегда вели к ослаблению общей безопасности и даже к конфликтам и войнам.

Тот же предлог был использован для оправдания экспансии ЕС на постсоветское пространство, в частности на Украину. Конечно, если не большинство, то значительная часть ее населения (особенно, «креативный» класс) хотела оказаться в клубе богатых и обустроенных стран, с мощной правовой и социальной защитой граждан, в то время как Россия представляла собой весьма непривлекательную политическую и социально-экономическую модель. Но большую роль в возникновении конфликта сыграла и логика «новой европейской империи», воплощаемой прежде всего «евробюрократией». Чем больше эта «империя» вторгалась в сферу жизненных интересов России, тем неизбежнее становилось столкновение.

Сейчас ясно, что расширение НАТО и ЕС на Восток при игнорировании жизненно важных интересов России, как предупреждал в 90-е годы «патриарх» американской стратегической мысли Дж. Кеннан, было фундаментальной ошибкой. Она была усугублена тем, что самой России внятной евро-атлантической перспективы не предлагалось. Принятие в НАТО и ЕС таких крайне враждебно настроенных к России стран как Польша, Литва, Латвия и Эстония вообще сняло вопрос о подобной перспективе в обозримом будущем.

Введение ЕС, Соединенными Штатами и рядом их союзников антироссийских санкций в связи с присоединением Крыма, а затем событиями на Юго-Востоке Украины, а также доведенная до абсурда демонизация России западными СМИ еще более усугубили ситуацию. Помимо прочего, это ослабило позиции сторонников демократического развития страны, вынужденных выбирать между патриотизмом и своими убеждениями, и, напротив, создало новые возможности для сил, выступавших с антизападнических и антиевропейских позиций. Провозглашенный российской властью «поворот на Восток», де-факто противопоставляемый отношениям с ЕС и с Западом, в целом был продиктован не только появлением новых центров экономической мощи в АТР, но и логикой противостояния.

Справедливости ради надо признать, что Россия также допустила ряд крупных ошибок, и не только на Украине, где она фактически проигнорировала отмеченное выше стремление значительной части общества к сближению с ЕС, а затем была вынуждена реагировать на «майданную революцию» присоединением Крыма и поддержкой Донбасса. «Державная» ментальность, стремление во что бы ни стало добиться признания в качестве равного партнера США, убежденность, что они решают все и в ЕС, явились причиной недостаточно гибкого подхода к решению проблем на европейском направлении, особенно в Восточной Европе. Не была вовремя учтена возросшая идеологизация внешней политики Запада в связи с глобалистской транснациональной тенденцией.

Глубокий кризис во взаимоотношениях был, таким образом, практически неизбежен. В последнее время, однако, появились основания для осторожного оптимизма. Прежде всего, с западной стороны начали меняться условия, приведшие к нему. Глобализация и транснационализация, как сейчас очевидно, начали наталкиваться на серьезные препятствия внутри самого Запада. «Брексит» в Великобритании и усиление влияния «евроскептиков» во многих странах ЕС, победа Д. Трампа на президентских выборах в США показали, что они не всеми воспринимаются позитивно. Миграционный кризис в ЕС засвидетельствовал, что даже европейцы не готовы поступиться своей национально-культурной идентичностью. Увеличившийся в связи с этим интерес к христианским корням европейской цивилизации получил мощный импульс в результате террористических актов, совершенных исламистами. Все это оказалось на руку правоконсервативным, и особенно крайне правым силам, выступающим под лозунгами «суверенизации», защиты национальных интересов, традиционных христианских ценностей. По этим аспектам многие из них видят в России объективного союзника.

Данные перемены ослабляют остроту проблемы разнонаправленности общественного развития Запада и России (хотя и не снимают ее). К этому следует добавить ослабление роли США в международной системе, а также неуспех западных геополитических проектов, в том числе международной изоляции России. Очевидно, что без России трудно или невозможно противостоять ряду общих вызовов, в частности международному терроризму. Конечно, многое будет зависеть от того, сумеют ли доминирующие западные элиты, явно оторвавшиеся от своих народов, извлечь уроки из сложившейся внутренней и внешней ситуации. Но в любом случае на Западе сейчас появился запрос на определенную переоценку глобалистской стратегии в духе большего реализма и, соответственно, «приглушения» роли в ней «ценностного» подхода.

Конечно, глобализация, представляющая собой объективный процесс, будет продолжаться. Но бо-

лее прагматичный взгляд на нее, отход от чрезмерной идеологизации и форсированного «экспорта демократии» способствовали бы смягчению конфронтации с Россией и поискам компромисса по важнейшим проблемам взаимоотношений, в частности на Украине и в Сирии. В более широком плане Западу нужно будет признать, что сотрудничество больше благоприятствует продвижению демократических ценностей, нежели противостояние. Соответственно, отмена антироссийских санкций, отход от демонизации России должны быть частью этого компромисса. Заявления на это счет Д. Трампа, а также кандидата на президентских выборах во Франции в апреле-мае 2017 г. Ф. Фийона в той или иной мере идут в этом русле.

Россия, со своей стороны, из-за ситуации в экономике подходит к пределам «суверенизации». Продвижение в этом направлении предполагает введение «мобилизационной» экономической модели и закрытие страны со всеми уже известными из истории последствиями. Обеспечение качественного роста экономики, особенно в контексте начинающейся очередной технологической револю-

ции, напротив, требует дальнейшей интеграции в мировую экономическую систему и, соответственно, прекращения противостояния с Западом, остающегося основным источником новых технологий и инвестиций.

Иначе говоря, и на Западе, и в России сегодня наличествует ряд объективных предпосылок для определенного движения навстречу друг другу. Открывающееся «окно возможностей» не очень велико, особенно на российско-американском направлении, где не так уж много совпадающих интересов. Кроме того, в американской политической системе у истеблишмента имеется достаточно рычагов, чтобы ограничивать политику президента. Больше шансов на отмену антироссийских санкций и продвижение сотрудничества, в частности в торгово-экономической сфере, видится на направлении ЕС, который и сегодня является главным торговым партнером России. Но в любом случае, с учетом накопившихся взаимных обвинений и раскрутившегося маховика пропагандистской войны, реализация указанных возможностей потребует политической воли с обеих сторон.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ: ПУТИ ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД

*Армин Штайгис,
бригадный генерал в отставке, ФРГ*

Ключевые слова: интересы; Россия; Запад; перцепция; миропорядок; внешняя политика; безопасность; европейские ценности; справедливая политика.

Вопросы, связанные с интересами России и Запада, а также их перцепцией, приобрели особую актуальность в связи с такими сложными комплексами проблем, как конфликт между Россией и Украиной¹, политическая и гуманитарная катастрофа на Ближнем Востоке и драматическое влияние этих

событий на Европу в целом, Россию и Германию, в частности. В этой связи я задался вопросом, – а что я мог бы предложить в качестве своего понимания внешней политики и политики в области безопасности. Постараюсь определить, каких принципов мы – россияне, немцы и европейцы – с нашими трансатлантическими партнерами, а также другими акторами, действующими в условиях многополярного миропорядка, – должны придерживаться для сохранения и восстановления (в случае необходимости) мира, свободы, соблюдения прав человека, демократии и обеспечения процветания.

Ф.-В. Штайнмайер, бывший до недавнего времени министром иностранных дел ФРГ и 18 марта 2016 г. избранный на пост федерального президента, выступая в августе 2016 г. перед студентами

¹ В статье имеется в виду замороженный в настоящий момент вооруженный конфликт на востоке Украины, в качестве одной из сторон которого на Западе рассматривается Российская Федерация. – Прим. переводчика.

Университета в Екатеринбурге, задал аудитории вопрос: «Можем ли мы читать?». Станный, если не сказать провокационный, вопрос в стенах университета. Глава МИД ФРГ имел в виду: «Можем ли читать друг друга?», т.е. обладаем ли способностью не только слушать, но и слышать друг друга, взаимодействовать, правильно понимать сигналы, посылаемые другой стороной. Иными словами, он задался вопросом, способны ли мы к обоюдному пониманию? И далее, развивая свою мысль, Ф.-В. Штайнмайер отметил, что «перед тем как научиться читать друг друга должно прийти стремление к такому чтению и пониманию». В этой связи как автор задаюсь вопросом: спрашивали ли мы себя также откровенно, хотим ли мы «читать» друг друга и способны ли мы это делать?

Убежден, что, только удостоверившись в этом, мы можем восстановить потерянное доверие и откровенно спросить друг друга, какие у нас сложились представления о противоположной стороне и об окружающем нас мире.

Мир вокруг нас. Задавались ли мы вопросом: хотелось бы нам жить в иную эпоху, выбрав в таком случае одну из тех, которые существовали на протяжении нашей тысячелетней истории? Я думаю, что мы бы предпочли жить именно в современную эпоху. Ни на одном другом историческом отрезке мировой истории жители Земли не были лучше образованны, более здоровы и менее жестоки, чем сейчас. Причем речь идет об общей сумме данных показателей для всего населения планеты. Однако свыше 800 млн человек живут в состоянии крайней нищеты, а разница между самыми бедными и богатыми семьями, между сельскими и городскими районами, между отдельными регионами Земного шара все еще остается огромной. Продолжающееся ухудшение состояния окружающей среды ставит под угрозу само сохранение жизни на нашей планете, а войны и конфликты продолжают представлять наибольшую опасность для развития человечества.

Мы часто сталкиваемся с термином «Мир, состоящий из отдельных подвижных частей» («Welt aus den Fugen»). Что же конкретно имеется в виду? Позволю себе выделить три составляющих данного термина: сложность, скорость и нестабильность.

Сложность. Развитие современного мира характеризуют продолжающиеся процессы глобализации и дигитализации – насыщения цифровыми технологиями и продуктами их использования. В условиях все более частых пересечений различных звеньев нашего мира степень взаимозависимости субъектов стремительно растет с каждым днем. Это приводит к тому, что мы уже не можем проводить четкую грань между внутренней и внешней политикой. В этом сложном мире ломаются те «щиты», которые раньше хотя бы частично защищали мир от несправедливостей.

Мы должны признать, что более нет простых решений проблем – если когда-либо таковые дей-

ствительно имели место. Поэтому следуя мыслям философа К. Поппера, автор считает, что мы должны стремиться к тому, чтобы облегчать страдания и устранять недостатки, имея все время в виду, что никогда не сможем вполне предвидеть последствия наших действий.

Скорость. Мы до сих пор не знаем, каков истинный масштаб влияния мощных и быстрых информационных потоков не только на наши головы, но и на наши души и сердца. Я называю это киберреволюцией. Попытаемся сравнить нынешний мир с тем, что был 10 лет назад, и с тем, который будет через десятилетие. Киберсфера является новым политическим направлением и явлением в области безопасности, с неопределенным пока общим потенциалом влияния и развития, при этом с огромными возможностями в вопросах обмена информацией, расширения знаний. Развитие кибертехнологий оказывает влияние на характер и качество вовлеченности истеблишмента и электората в политические процессы, являя собой также огромную угрозу, поскольку эти инструменты могут быть использованы для дезинформации и пропаганды, приводя к серьезным негативным последствиям. При этом мы знаем наверняка, что жители отдаленных деревень в Африке и Афганистане, используя свои смартфоны, могут увидеть, как живут люди в Берлине, Москве, Лондоне, Париже и Нью-Йорке и сравнивать уровень и условия жизни не только в современных, но и в будущих реалиях.

Нестабильность. Что происходит с нашим пониманием границ порядка и ценностей в этом сложном мире на всех уровнях: отдельно взятой личности, общества, государства? Насколько государства в процессе развития дву- и многосторонних отношений, а также мировое сообщество в целом готовы соблюдать принципы обеспечения международного правопорядка? Что происходит с международным правом? Ранее считавшиеся самоочевидными и поддерживавшиеся идеи и предложения ставятся под сомнения или даже преднамеренно разрушаются. Что мы делаем для противодействия этой эрозии и возможному крушению рамок сложившегося порядка?

Принципы внешней политики и политики в области безопасности. Считаю необходимым представить три принципа, определяющих поведение акторов в сферах внешней политики и безопасности, в том виде, как они были сформулированы канцлером А. Меркель на Мюнхенской конференции по безопасности 2017 г. В основе всех трех принципов лежит концепция улучшения мира во имя всеобщих интересов.

Мультилатерализм. Первый принцип определяется *императивом многосторонности*. Ни одно государство – будь то Германия в Европе, США как единственная оставшаяся сверхдержава (даже если ее администрация посылает иные по своему содержанию сигналы), Россия и Китай – не могут в одиночку добиться выполнения своих целей и со-

блюдения интересов на международной политической сцене, а тем более установить новый миропорядок. Государства в значительной степени утратили свою автономию, т.е. реальный суверенитет, и должны научиться признавать это – Вестфальская система (с 1648 г.), в которой ключевую роль играли самостоятельные национальные государства, подходит к концу.

Решение любой международной проблемы в условиях глобализации, дигитализации и роста взаимозависимости должно быть многосторонним, т.е. найдено с участием широкого круга акторов мировой политики.

Национальные государства не способны в одиночку справиться с угрозами безопасности – в первую очередь с международным терроризмом, распространением оружия массового уничтожения, международной миграцией, изменениями климата, а также финансово-экономическими проблемами.

Однако в данный момент развитие политических тенденций – победа Д. Трампа на выборах в США, Брексит, односторонние действия РФ на Украине и на Ближнем Востоке, а также укрепление радикальных и правопопулистских сил в Европе (в том числе в ФРГ и во Франции, а также в ряде стран ЦВЕ) – указывают на новый вектор мирового политического развития. Но пугающие попытки укрепления национальных государств, на мой взгляд, противоестественны, ибо не соответствуют достигнутому уровню интеграции и не могут привести к решению существующих проблем.

Президент Бундестага Н. Ламмерт в своей яркой речи на открытии сессии Федерального собрания в Берлине 12 февраля 2017 г. подчеркнул: «Тот, кто выступает против открытости миру, кто в своих заявлениях стремится возвести стены, кто стремится заменить принцип свободы торговли на протекционизм и вместо сотрудничества предлагает государствам вернуться к изоляции, кто в своих установках придерживается принципа “Свои собственные интересы превыше всего”¹ – тот не заслуживает восхищения и подражания. Если и другие акторы начнут следовать тем же принципам, то это, как показывает опыт XX столетия, приведет к фатальным последствиям для международных отношений». В момент произнесения речи этот сигнал был в первую очередь направлен в адрес наших союзников по другую сторону Атлантики, но он также применим и по отношению ко всем акторам мировой политики.

Для Германии ее будущее ассоциируется с сильным, дееспособным и развивающим интеграцию вглубь Европейским союзом, с сохранением трансатлантических отношений и последователь-

ной политикой в отношении России. Последняя обязательно должна предполагать максимально возможные усилия по взаимодействию с РФ с целью встраивания ее в политическую систему и систему обеспечения безопасности Европы. Россия и Германия должны выстраивать взаимодействие друг с другом, с партнерами на европейском и глобальном уровнях, опираясь на общие цели и интересы, а не на различия, которые иногда лишь формально, но не фактически отделяют нас.

Будущее ФРГ также зависит от проведения ею основанной на взаимодействии и сбалансированном взаимном учете интересов политики в отношении государств на других континентах – в первую очередь, КНР, Японии, Индии, Бразилии и ЮАР. Кроме того, в процессе поддержания миропорядка, его сложившихся международных правовых устоев германская сторона особую роль отводит ООН.

Справедливая «политика выигрыша для всех» (Ausgleichspolitik) определяет суть второго принципа. В международных отношениях на смену «игре с нулевой суммой» должна прийти формула взаимодействия «выигрыша для всех» (win – win), когда каждая из сторон получает преимущества. Концепция игры с «нулевой суммой» получила распространение в эпоху холодной войны, однако, постепенно стала терять свою актуальность в условиях «разрядки». В современном мире, в условиях стремления ряда государств к достижению и демонстрации своей «исключительности» на мировой арене значимость схемы «игры с нулевой суммой» вновь начинает возрастать при оценке характера и результатов мировых политических процессов.

С точки зрения автора, создание ситуаций, взаимодействие в ходе которых осуществляется по формуле «выигрыш для всех», является непреложным принципом поведения всех акторов. Как подчеркнул Г. Киссинджер, игра с «положительной суммой» для всех сторон позволяет каждой из них «видеть мир глазами других».

Реализация «политики выигрыша для всех» необходима не только в экономической области, но и в особенности в сфере международной безопасности – применительно к процессам выстраивания взаимоотношений между государствами. Не все политические лидеры и страны готовы действовать по схеме «игры с положительной суммой», однако, на мой взгляд, уже в скором времени таковые будут вынуждены признать себя проигравшей стороной в условиях глобализации. Принцип данной формулы определяет направленность многосторонних действий – их результатами должны становиться компромиссы, которые приемлемы для каждой из сторон, и условия которых могут быть ими реализованы.

Политика, ориентированная на ценности. Государства, в том числе западные, в будущем должны избегать следования двойным стандартам в погоне за достижениями своих целей в сферах внешней политики и политики безопасности. Соот-

¹ Rede von Bundestagspräsident Prof. Dr. Norbert Lammert zur Eröffnung der 16. Bundesversammlung am 12. Februar 2017 im Reichstagsgebäude in Berlin // Сайт Бундестага ФРГ. – Mode of access: <http://www.bundestag.de/parlament/presidium/reden/2017/003/492714> (accessed 27.03.2017).

ветственно, третий принцип заключается в проведении ценностноориентированной политики – последовательного соблюдения тех норм, правил и принципов, которые мы разделяем.

Внешняя политика и политика в области безопасности неизбежно является силовой политикой. Но в то же время она должна опираться на ценности. Когда этого не происходит, политика силы не гарантирует ни мир, ни безопасность, ни стабильность. Более того, сама такая политика превращается в фактор угрозы. Конечно, часто ценности и интересы вступают между собой в противоречие, причем это положение относится прежде всего к западным демократиям. Многочисленные примеры этого мы можем найти в истории, в том числе новейшей.

В этой связи возникает вопрос: какую линию следует проводить в отношении диктаторов (автократических режимов), которые до сих пор являются мощными и влиятельными? Как обеспечить сохранение мира на планете и реализацию своих интересов в условиях существования в мире различных систем ценностей? Полагаю, с одной стороны, подобному государству важно дать понять, какое отношение к его собственной системе ценностей является для него неприемлемым. С другой стороны, представить свои предложения по разрешению конфликтов и налаживанию сотрудничества.

При этом одно положение должно трактоваться совершенно четко: неправильно понимаемая политика стабилизации на деле лишь возвращает процесс развития нестабильности на более ранние стадии развития и одновременно ведет к выталкиванию и распространению ее вовне.

9 ноября 2016 г., по итогам голосования штатов на выборах президента США, А. Меркель заявила: «Германия и Америка объединены ценностями: приверженностью демократии, свободе, уважению закона и человеческого достоинства, независимо от расы, цвета кожи, вероисповедания, пола, сексуальной ориентации или политических убеждений. На базе уважения данных ценностей я призываю будущего президента США Дональда Трампа к выстраиванию сотрудничества»¹. Эти слова, по мнению автора, очень отчетливо показывают ценностные основания внешней политики ФРГ. Послание канцлера содержит четкий тезис о том, что, постигнув нормы дипломатии, политик должен понимать, каковы его обязанности, и какая на нем лежит ответственность.

Автор обращается к примеру этого понимания ценностей и попыткам следования им в России в 1990-е годы. В это время произошел совершенно нерегулируемый переход от системы государственного планирования к рыночной экономике, со-

провождавшийся безрассудным обогащением отдельных лиц за счет всего общества. В этой связи напрашивается вывод о том, что получение личной свободы от чего-то должно сопровождаться потребностью в использовании свободы для чего-то – для построения правового общества, принятия ответственности за всех окружающих.

Этот пример показывает, что сам по себе проект привития западных ценностей и их понимания не является абсолютной панацеей – он не исключает ошибок. Исторически процесс складывания демократических ценностей на Западе проходил через стадии капиталистической эксплуатации, отрицания прав женщин, расизма, колониализма и империализма. Его характеризовали перманентные внутренние самоисправления и самокритика, которые наблюдаются в процессе развития ценностей и отношения к ним на Западе и поныне. Ключевым двигателем указанного прогресса является жизнеспособное и активное гражданское общество, способное к критическому осмыслению действительности, выстраиванию гибких и современных подходов к решению имеющихся проблем.

И отдельные государства, и международное сообщество в целом сейчас более чем когда бы то ни было, нуждаются в самокритике и самокоррекции. Речь в данном случае идет не о самих ценностях – правах человека, принципе разделения властей, верховенстве закона и демократии – но о нашем отношении к ним, готовности быть им последовательно приверженным.

Пути движения вперед. Размышляя о возможностях движения вперед в отношениях России и Германии, автор приходит к выводу, что весьма важным является продолжение диалога, ибо только в процессе диалога можно понять, что нас объединяет и что – разъединяет. Самим себе и другим мы должны задавать вопросы, можем ли мы «прочитать», т.е. понять и услышать друг друга и найти всеобъемлющее решение, в ситуации, когда нет ответов на возникающие вопросы.

В настоящий момент никто не может сказать, как будут Европа, мир выглядеть через год, но мы знаем, что в реалиях XXI в. мы можем только совместно: бороться с терроризмом; регулировать миграционные потоки; противостоять вызовам военно-политического характера (особенно связанным с возможностью использования ядерного оружия); уменьшать масштабы глобальной бедности; бороться с потенциальными пандемиями; воспрепятствовать изменению климата.

Перевод Ф. Трунова

¹ Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel zum Ausgang der US-Präsidentenwahl am 9. November 2016 // Сайт Ведомства федерального канцлера. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2016/11/2016-11-09-statement-merkel-us-wahlen.html> (accessed 27.03.2017).

ЗНАЧЕНИЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА ДЛЯ США, ЕС И РОССИИ

Арсен Гукасов,

кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики Института международных отношений Пятигорского государственного университета

Ключевые слова: мировая политическая система; политический кризис; Ближневосточный регион; национальные интересы; национальная безопасность; Российская Федерация; США; ЕС.

Несмотря на то, что сущность и природа современной международной системы, ее конфигурация зачастую становятся предметом оживленных дискуссий, которые впоследствии приводят к формированию полярных взглядов на эти вопросы, мало у кого вызывает сомнение, что современный мир кардинальным образом изменился, став намного сложнее.

Чтобы осознать это, достаточно всего лишь взглянуть на те основные явления и процессы, которые происходят в настоящий момент в мировой политической системе, определяя ее характер: речь идет о глобализации, глокализации и регионализации, интеграции и дезинтеграции, транснационализации, дигитализации и т.д. Все эти явления и процессы происходят в один и тот же период времени, тем не менее одни существуют параллельно, другие периодически пересекаются, а некоторые из них носят, по большому счету, взаимоисключающий характер. Именно последнее обстоятельство и приводит к тому, что сегодня достаточно сложно понять, по какому пути движется современная система международных отношений, а также спрогнозировать, куда в итоге этот путь приведет.

Более того, в настоящее время достаточно остро ощущается проблема отсутствия эффективных инструментов управления современными мировыми политическими процессами. Обратив внимание на существующие международные институты, призванные регулировать отношения между основными акторами мировой политической системы, можно обнаружить, что большинство из них устарело и не отвечает современным реалиям, поскольку создавалось в рамках биполярной системы международных отношений и, как следствие, отражало ее специфические черты. Таким образом, можно говорить о так называемом кризисе глобального управления.

За последние десятилетия Ближневосточный регион превратился в эпицентр борьбы между ведущими государствами мира за установление над ним стратегического контроля. Говоря о геостратегической привлекательности Ближнего Востока, можно с уверенно-

стью предположить, что она продиктована не только его уникальным природно-ресурсным потенциалом. На современном этапе Ближний Восток остается одним из наиболее проблемных регионов мира, где за последнее время произошло резкое повышение уровня энтропии. В свою очередь, конфликтогенный потенциал региона связан с наличием «старых» конфликтов и противоречий, существующих уже не одно десятилетие, таких, например, как арабо-израильский конфликт, суннитско-шиитское противостояние в самом широком смысле, а также «нового» комплекса проблем, возникших как следствие событий, порожденных «арабской весной», из которых наибольшую опасность для мира в целом представляют: разрушение системы региональной безопасности, кризис государственности, стремительный рост исламского радикализма и экстремизма, равно как и повышение уровня террористической угрозы.

Анализ причин высокой конфликтогенности Ближневосточного региона позволяет выделить три основные: во-первых, это незавершенность модернизационных преобразований, либо же их полное отсутствие в большинстве государств региона, во-вторых, это борьба между основными внутрорегиональными акторами за региональное лидерство, происходящая на современном этапе преимущественно по линии суннитско-шиитского противостояния, и, в-третьих, это деструктивное влияние внерегиональных акторов на ближневосточный политический процесс.

Говоря о последней причине, следует подчеркнуть, что достаточно длительный период времени именно Соединенные Штаты и их некоторые европейские партнеры систематически оказывали влияние на динамику политических процессов, происходящих на Ближнем Востоке, что привело к достаточно серьезным изменениям геополитического ландшафта региона.

В данной связи достаточно упомянуть иракскую военную кампанию 2003 г., которая привела как к исчезновению государственности в самом Ираке, так и к окончательному разрушению хрупкого баланса сил, существовавшего на тот момент между Саудовской Аравией, Ираком и Ираном, в результате чего произошло значительное усиление позиций Тегерана в регионе и, как следствие, еще большее обострение ирано-саудовских отношений.

В условиях Ближнего Востока подобные трансформации не могут не оказать деструктивное влияние в целом на динамику региональных политических процессов, подтверждением чему стала череда политических переворотов в ряде государств данного региона, а также резкая активизация различных международных террористических организаций и иных радикальных сил.

Таким образом, в условиях отсутствия эффективных институтов, регулирующих международные политические отношения на системном и подсистемном уровнях, безальтернативное влияние определенной группы государств на региональный политический процесс может обернуться катастрофическими последствиями для данного региона.

В сложившихся условиях для стабилизации процессов на Ближнем Востоке необходимо вовлечение других влиятельных внерегиональных акторов, а также нахождение между ними баланса сил и интересов.

Речь идет, в частности, о России, которая на достаточно длительный период времени самоустранилась от участия в региональных процессах, что отчасти позволило государствам Евро-Атлантики беспрепятственно реализовывать собственные интересы на Ближнем Востоке.

В настоящее время Ближневосточный регион является источником вызовов и угроз для всей мировой политической системы в целом. Среди них наиболее актуальными на современном этапе являются: дестабилизация внутривосточной обстановки в таких государствах, как Ирак, Сирия, Ливия, Йемен, стремительный рост исламского радикализма и экстремизма, деятельность террористической организации «Исламское государство», а также огромного числа других негосударственных акторов, использующих насилие.

Во многом поэтому важность Ближневосточного региона в иерархии национальных интересов России и государств Евро-Атлантики, равно как и необходимость решения вышеобозначенных проблем, достаточно четко артикулированы в основополагающих внешнеполитических документах, таких, например, как Концепция внешней политики Российской Федерации¹, Стратегия национальной безопасности США², Глобальная стратегия Европейского союза по внешней политике и политике безопасности³ и т.д.

Тем не менее если необходимость решения данного комплекса вызовов и угроз в краткосрочной пер-

спективе может привести к фрагментарной кооперации между Россией и странами Запада, то в долгосрочной перспективе между этими государствами будут сохраняться различия в подходах и нестыковки интересов. Таким образом, если попытаться разобраться в природе геополитических и геоэкономических интересов данной группы государств, мотивах их политики, то можно обнаружить противоречия стратегического характера.

Следует подчеркнуть, что определенное разночтение интересов существует и между государствами Евро-Атлантики. Так, установление геостратегического контроля над Ближним Востоком является неотъемлемой частью американской стратегии глобального лидерства. Во многом поэтому ключевые интересы Соединенных Штатов сосредоточены в субрегионе Персидского залива, при условии, что мы сознательно выносим за скобки «особые» отношения Вашингтона и Иерусалима, которые находятся вне рамок геополитики или геоэкономики.

Учитывая, что основные залежи углеводородных ресурсов расположены на территории государств Персидского залива, геостратегическое доминирование в данном регионе позволяет Соединенным Штатам контролировать направления поставок этого вида ресурсов, оказывая тем самым влияние на другие стратегически важные регионы мира, не обладающие энергоресурсами, такие, например, как Азиатско-Тихоокеанский регион. Одновременно, учитывая роль аравийских монархий в ОПЕК, Соединенные Штаты также могут опосредованно участвовать в процессе ценообразования на мировом рынке углеводородных видов энергетического сырья, воздействуя, таким образом, на те государства, которые в экономическом плане сильно зависят от продажи этого вида ресурсов.

В данной связи следует сделать оговорку о том, что на современном этапе внешнеполитическое поведение даже «традиционных» региональных союзников Соединенных Штатов, таких, например, как Саудовская Аравия, отличается определенной степенью непредсказуемости, что также является следствием фундаментального кризиса мировой политической системы, равно как и ее региональных подсистем.

Более того, для Соединенных Штатов Ближний Восток является достаточно перспективным регионом с точки зрения налаживания экономических связей, в частности речь идет о привлечении иностранных инвестиций, а также укреплении позиций на региональном рынке вооружений.

Учитывая географическую удаленность Ближневосточного региона от США, можно предположить, что он не является для них первичным с точки зрения вопросов обеспечения национальной безопасности. Однако и для европейских государств, и для России эти вопросы никогда не теряли своей актуальности, в том числе и в связи с их территориальной близостью к этому региону.

В данном контексте внимание европейских государств сосредоточено на Северной Африке и части

¹ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

² См.: National Security Strategy 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf>

³ См.: Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe – A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/regions/files/eugs_review_web.pdf

средиземноморского побережья Леванта, которые являются «мягким подбрюшьем» Европы. Географическая близость диктует необходимость налаживания конструктивного диалога с данной группой государств, для чего Евросоюзом и было инициировано создание Евро-Средиземноморского партнерства¹.

Тем не менее можно констатировать, что за весь период этих отношений европейскими государствами было выдвинуто малое количество конструктивных инициатив по стабилизации политических режимов в странах Магриба и Леванта и их дальнейшей модернизации, хотя это полностью отвечает национальным интересам Евросоюза. В недавнем прошлом мы стали свидетелями того, какими трагическими событиями для Европы может обернуться дестабилизация обстановки в государствах арабского Средиземноморья. В данном случае речь идет о череде терактов, произошедших в ряде стран Евросоюза, огромных миграционных потоках, равно как и целом комплексе вызовов и угроз, ставших их следствием.

Что касается экономического сотрудничества со странами Ближневосточного региона, то в данном случае интересы европейских государств очень схожи с интересами Соединенных Штатов и зачастую реализуются совместно. Однако для Европы Ближний Восток – это еще и возможность диверсификации поставок углеводородных ресурсов, что привело бы к ослаблению энергетической зависимости от России.

Как уже было отмечено выше, Россия на достаточный длительный период времени самоустранилась от участия в региональных процессах, происходящих на Ближнем Востоке, однако на современном этапе можно наблюдать активизацию российской политики на данном направлении. Интересы России в регионе продиктованы в первую очередь геостратегическими соображениями.

Как и в случае Европы, Ближневосточный регион находится в географической близости от границ России, которая соприкасается с ним через регионы Южного Кавказа и Центральной Азии. Соответственно, стабилизация обстановки на Ближнем Востоке, ликвидация террористической угрозы, недопущение роста исламского радикализма и экстремизма, блокирование наркотрафика для России являются вопросами обеспечения собственной безопасности. Во многом поэтому основные интересы России на современном этапе сосредоточены в субрегионе Леванта.

Помимо этого, важность выстраивания конструктивных отношений с государствами Ближневосточного региона, в особенности с монархиями Аравийского полуострова, продиктована необходимостью координировать объемы добычи углеводородов, а также стабилизировать цены на них на мировых рынках, что объясняется определенной зависимостью российской экономики от продажи данных видов ресурсов.

Более того, Россия, как и государства Евро-Атлантического региона, в экономическом плане заинтересована в привлечении иностранных инвестиций из стран Ближнего Востока, она также стремится укреплять собственные позиции на региональном рынке вооружений.

Следует отметить, что ближневосточная политика России отличается большей гибкостью, чем политика западных государств, в частности Соединенных Штатов, которые выступают гарантом безопасности Израиля и монархий Аравийского полуострова, неизбежно становясь «архитекторами» суннитско-шиитского противостояния. Несомненно, данное обстоятельство сказывается на отношениях с другими странами Ближнего Востока. В свою очередь, отсутствие подобного подхода предоставляет России больше пространства для маневра при решении как «старых», так и «новых» региональных проблем.

Еще одним отличием российской политики в Ближневосточном регионе является ее меньшая идеологизированность. В данном случае речь идет о вопросах демократичности политических режимов, их формальной и неформальной легитимности. Тем не менее попытки дать ответ на эти вопросы без учета региональной специфики не могут привести к объективным и правильным ответам. Зачастую на Ближнем Востоке такие категории, как «демократия» / «легитимность» в западном понимании и «стабильность» вступают в противоречие, а цена «демократических преобразований» может исчисляться десятками и сотнями тысяч жизней. В качестве примеров можно привести гражданские войны в Сирии и Ливии, а также Египет, где в результате «демократического процесса» к власти пришли исламистские силы.

В то же время у западных государств не возникает подобных вопросов, когда они выстраивают отношения с аравийскими монархиями, политические режимы которых даже с большой натяжкой нельзя назвать демократическими. Однако, если подобные двойные стандарты ложатся в основу политики государства, то это неизбежно приводит к еще большей дестабилизации обстановки в регионе и обострению существующих противоречий.

Таким образом, исходя из вышеприведенного анализа, можно сделать вывод о том, что на современном этапе, в условиях отсутствия эффективных механизмов регулирования международных отношений на системном и подсистемном уровнях, именно от эффективности взаимодействия государств зависит характер отношений как в рамках мировой политической системы в целом, так и в различных регионах мира.

В свою очередь, разная природа интересов и наличие разночтений в подходах между Россией и государствами Евро-Атлантики делает практически невозможным выстраивание полноценного сотрудничества в контексте решения всего комплекса ближневосточных проблем. Тем не менее нельзя исключать возможность фрагментарного взаимодействия при решении наиболее актуальных вопросов, таких, например,

¹ См.: Euro-Mediterranean Partnership [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/regions/euro-mediterranean-partnership/>

как уничтожение химического оружия в Сирии или переговоры с Ираном по «ядерному досье».

Однако на современном этапе крайне маловероятной выглядит возможность нахождения баланса сил и достижения политического равновесия между данной группой государств на Ближнем Востоке, без чего практически невозможно стабилизировать ситуацию в регионе и провести последующие модернизационные преобразования.

Необходимо подчеркнуть, что подобная ситуация сложилась не только в рамках Ближневосточного региона, но и в остальных регионах мира, где существует острая необходимость взаимодействия России и западных государств. Однако противоречия системного характера не позволяют им выстраивать конструктивный диалог.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНТУРЫ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ НАТО

*Дарья Миронова,
аспирантка ИНИОН РАН*

Ключевые слова: НАТО; партнерские отношения; безопасность; политические консультации; операции; оперативная совместимость.

На Варшавском саммите НАТО в 2016 г. государства-члены подчеркнули свою приверженность стремлению вносить большой вклад в усилия международного сообщества по обеспечению стабильности и усилению безопасности за пределами территории НАТО. Одним из средств реализации поставленной задачи являются партнерские отношения Альянса. За последние 25 лет Альянс создал развитую региональную партнерскую сеть со странами Европы, Средиземноморского региона, Персидского залива и индивидуальными партнерами по всему миру.

На практике партнерство реализуется через широкий круг мер. Иными словами, НАТО частично открыта в части процедур, процессов и структур к участию в них партнеров, позволяя последним вносить свой вклад в деятельность организации. Ключевыми сферами сотрудничества являются политические консультации, консультации по оборонным реформам, оперативная совместимость, совместное выполнение операций и миссий, совместные учения и др.

Эволюцию концепции партнерских отношений НАТО стоит рассматривать в трех плоскостях:

- 1) расширение Альянса;
- 2) программы партнерства;
- 3) сотрудничество с другими организациями, прежде всего с ЕС.

В рамках данной статьи главным образом рассматриваются различные программы партнерства НАТО.

Существует три институционализированные партнерские программы НАТО: «Партнерство ради мира» (ПРМ) (22 партнера), «Средиземноморский диалог» (семь государств) и «Стамбульская инициатива о сотрудничестве» (четыре страны). НАТО также сотрудничает с широким кругом стран, которые не являются частью указанных региональных инициатив, это так называемые «партнеры по всему миру» – Австралия, Афганистан, Ирак, Монголия, Новая Зеландия, Пакистан, Республика Корея, Япония. Стоит отметить, что существуют особые, специально созданные структуры для взаимодействия Альянса с Россией, Украиной и Грузией.

Политика партнерства НАТО получила свое оформление в стратегической концепции Альянса «Активное участие. Современная оборона» в 2010 г., где безопасность на основе сотрудничества была выделена в качестве третьей ключевой задачи НАТО наряду с коллективной обороной и кризисным регулированием. Именно новая Стратегическая концепция продемонстрировала расширение политики партнерства на Азиатско-Тихоокеанский регион (Австралия, Республика Корея, Япония).

Тем не менее, можно сказать, что 2010 г. стал рубежом, обозначившим переход от географического партнерства к функциональному, основанному на степени участия и роли партнеров в операци-

ях и миссиях Альянса. В апреле 2011 г. в Берлине главами МИД стран НАТО была принята новая политика партнерства или так называемый «Берлинский пакет партнерства» – диалог и сотрудничество с партнерами стали более гибкими, целенаправленными и стратегически ориентированными¹.

«Берлинский пакет партнерства» обеспечил создание перечня партнерских мероприятий (Partnership Cooperation Menu) (более 1200 мероприятий в год) и Индивидуальной программы партнерства и сотрудничества в качестве минимальной программы, доступной для всех партнеров Альянса, которые в соответствии с новой политикой партнерства теперь могут участвовать в программах, ранее доступных только членам Совета евро-атлантического партнерства². Это программы «Процесс планирования и анализа», «Индивидуальный план действий партнерства»^{3,4}.

Также на встрече в Берлине был принят документ «Военно-политические рамки для участия партнеров в операциях под руководством НАТО»⁵, расширяющий принятый ранее на Вашингтонском саммите НАТО в 1999 г. документ для стран – участниц ПРМ. В соответствии с положениями документа, к участию в операциях, проводимых под эгидой НАТО, допускаются все партнеры организации, которые тем не менее разделяются на две категории: «партнеры по операции» и «потенциальные партнеры по операции». «Партнеры по операции» – это государства, которые принимают участие в операциях Альянса или оказывают поддержку в их осуществлении (данная поддержка должна быть признана Североатлантическим советом в качестве вклада в осуществление операции). В то время как «потенциальные партнеры по операции» заявляют о готовности участвовать в действиях Альянса, и в будущем могут быть признаны «партнерами по операции».

Статус «партнер по операции» дает право участвовать в формировании решений при планировании операций, но не в процессе принятия решений. Данное право закреплено только за Североатланти-

ческим советом. «Потенциальный партнер» принимает участие в совместных консультациях и обмене информацией с Альянсом.

Таким образом, документ детально определяет роль партнеров в операциях Альянса и на всех стадиях кризисного регулирования, расширяя при этом полномочия партнеров. По сути, новая политика НАТО в отношении партнеров отныне основывается не на том, что Альянс может им предоставить, а на том, какой вклад партнеры НАТО привносят в операции и миссии организации.

Политика функционального партнерства получила свое развитие во время саммита НАТО в Чикаго в 2012 г., когда Североатлантический совет провел отдельное заседание с теми партнерами, которые внесли наибольший вклад (политический, практический, финансовый) в операции Альянса. Были приглашены 13 стран, а именно: Австралия, Австрия, Грузия, Иордания, Катар, Новая Зеландия, Марокко, ОАЭ, Швеция, Швейцария, Финляндия, Республика Корея и Япония⁶.

В 2014 г. на Уэльском саммите НАТО предложила опцию «улучшенных возможностей» определенным партнерам в целях построения более тесных двусторонних связей. Украинский кризис, ставший основной темой саммита, значительно повлиял на программы партнерства Альянса, в особенности с европейскими государствами. Их главной целью стало сдерживание России с упором на оперативную совместимость партнеров. Особое значение сегодня приобретают связи НАТО с нейтральными государствами Швеции и Финляндии, с которыми она развивает «продвинутое партнерство»⁷.

На Уэльском саммите были запущены две инициативы, нацеленные на поддержание безопасности на основе сотрудничества:

1. Инициатива оперативной совместимости партнеров (Partnership Interoperability Initiative) – сотрудничество с государствами, желающими достичь большей оперативной совместимости с НАТО в целях совместного выполнения военных операций. Платформа оперативной совместимости (Interoperability Platform) объединяет в себе 24 страны – партнера Альянса. Также в рамках данной инициативы функционирует Программа улучшенных возможностей (Enhanced Opportunities Program), предоставляющая пяти странам дополнительные возможности для сотрудничества в случае поступления запроса. Среди этих стран Австралия, Грузия, Иордания, Финляндия и Швеция – страны, чьи ВС наиболее оперативно совместимы с ВС стран НАТО. Кроме того, в 2014 г. НАТО заключила двусторонние соглашения (Host Nation Support Agreements) с Финляндией и Швецией, регулирующие присутствие военных контингентов НАТО на территории указан-

¹ В Берлине страны НАТО и партнеры демонстрируют единство и решимость на всех направлениях. 14.04.2011. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_72775.htm?selectedLocale=ru

² Совет евроатлантического партнерства (СЕАП) – это многосторонний форум, обеспечивающий общие политические рамки для сотрудничества между НАТО и странами-партнерами в евро-атлантическом регионе, а также для развития двусторонних отношений между НАТО и отдельными странами-партнерами по линии программы ПРМ.

³ Реализует реформы в государстве-партнере в военной, политической и экономической сферах по образцу стран НАТО.

⁴ Active engagement in cooperative security: a more efficient and flexible partnership policy. URL: http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2011_04/20110415_110415-Partnership-Policy.pdf

⁵ Political military framework for partner involvement in NATO-led operations. http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2011_04/20110415_110415-PMF.pdf

⁶ Chicago Summit Declaration. 20.05.2012. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_87593.htm#partners

⁷ Неевропейские «продвинутые партнеры» НАТО – Австралия и Иордания.

ных стран, например во время проведения совместных учений. Также был одобрен так называемый Существенный пакет мер НАТО – Грузия (Substantial NATO – Georgia Package), представляющий собой ряд инициатив в 13 областях, нацеленных на более тесное сотрудничество НАТО с Грузией.

2. Инициатива по развитию и укреплению потенциала в сфере обороны и безопасности (Defence and Related Security Capacity Building Initiative) – помощь партнерам в обеспечении их собственной безопасности путем улучшения их оборонных возможностей. Был разработан ряд мероприятий для оказания помощи партнерам, способным участвовать в проводимых под эгидой НАТО операциях и имеющих ВС, оперативно совместные с Альянсом. Данная инициатива предполагает консультирование и учебную подготовку. Прежде всего, инициатива касается таких стран, как Грузия, Иордания и Молдова, однако, остается открытой и для других партнеров.

Для развития потенциала собственной обороны партнеров было создано и функционирует несколько программ, позволяющих Альянсу оказать содействие партнерам в процессе трансформирования их оборонных структур с учетом экономических и социальных последствий обозначенных реформ. К таким программам помимо Инициативы по развитию и укреплению потенциала в сфере обороны и безопасности относятся:

– Инициатива по развитию профессиональной добросовестности (Building Integrity Initiative) нацелена на усиление транспарентности и подотчетности для уменьшения риска коррупции в сфере обороны союзников и государств-партнеров.

– Программа профессионального развития (Professional Development Programme) гражданского штата оборонных ведомств и институтов обеспечения безопасности.

– Целевые фонды партнеров (The Partnership Trust Fund policy). Программа позволяет отдельным союзникам и партнерам поддерживать на индивидуальной основе проекты по уничтожению оружия и по оборонной реформе в партнерских странах с помощью механизма индивидуальных Целевых фондов.

Что касается совместных учений, то они проводятся главным образом через Partnership Cooperation Menu, Программу совершенствования образования в сфере обороны (Defence Education Enhancement Programme (DEEP)) и Программу НАТО «Наука ради мира и безопасности» (The NATO Science for Peace and Security (SPS)).

Сотрудничество стало одной из главных тем Варшавского саммита НАТО. На встрече в верхах было объявлено о присоединении к Альянсу Черногории¹. Страна подписала Протокол о присоеди-

нении в мае 2016 г., и как только он будет ратифицирован всеми членами НАТО, Черногория станет 29 членом Альянса. Стоит отметить, что после присоединения Болгарии, Румынии и Словении в 2004 г., а также Албании и Хорватии в 2009 г., вступление Черногории в НАТО является следующим важным шагом на пути к военной консолидации Юго-Восточной Европы. Принятое решение также является сигналом того, что расширение НАТО – это непрерывный процесс, и такие страны, как Грузия и Босния и Герцеговина могут присоединиться к Альянсу в будущем. Тем не менее в краткосрочной перспективе дальнейшее расширение Альянса является маловероятным.

НАТО сегодня рассматривает развитие многостороннего сотрудничества с учетом специфики каждого из партнеров – и европейских, и вне региональных. Но главным объединяющим фактором европейских партнеров служит сотрудничество с ними в русле обозначенных Альянсом ключевых установок политики безопасности и в первую очередь в контексте восприятия России в качестве главного вызова евро-атлантической безопасности и источника нестабильности².

В этой связи основными темами прошедшего Варшавского саммита стали оборона, сдерживание и проецирование стабильности как ключевые направления адаптации НАТО к новой стратегической реальности. При этом особое место отводится укреплению сотрудничества с ЕС и в частности с Европейским оборонным Агентством по ряду проектов, как, например, осуществление воздушной переброски войск и грузов, борьба с самодельными взрывными устройствами и защита от химического, биологического, радиологического и ядерного оружия.

В мае 2016 г. Ф. Могерини, Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности, и министры иностранных дел Финляндии и Швеции приняли участие в министерской встрече государств НАТО, что было интерпретировано в качестве сигнала дальнейшего углубления сотрудничества ЕС и НАТО как по функциональным вопросам – кибербезопасность и стратегические коммуникации, так и по вопросам совместного проведения информационных операций.

В продолжение этой линии на саммите в Варшаве была подписана Совместная декларация НАТО – ЕС³, которая, по словам генерального секретаря Й. Столтенберга, «призвана придать новый импульс

На саммите НАТО в Варшаве в 2016 г. было объявлено о вступлении в Альянс Черногории. Другими претендентами на вступление остаются Македония и Босния и Герцеговина.

² Данилов Д. К какому будущему готовится НАТО: Варшавский саммит Организации Вашингтонского договора. 01.09.2016 URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8068#top-content

³ Joint Declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization. 08.07.2016. URL: http://www.nato.int/cps/ic/natohq/official_texts_133163.htm

¹ В целом, с 1991 по 2016 г. прошло три расширения Альянса. В 1999 г. к НАТО присоединились Венгрия, Польша и Чехия, в 2004 г. – Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения, Эстония, в 2009 г. – Албания и Хорватия.

сотрудничеству НАТО и ЕС»¹. В Декларации отмечены ключевые области развития взаимодействия между двумя организациями: противодействие гибридным угрозам, оперативное сотрудничество, кибербезопасность и оборона, развитие оперативной совместимости, укрепление промышленного и научного сотрудничества, координация учений.

Также на сегодняшний день НАТО участвует в миссии ЕС «Фронтекс» («Frontex»), которая с февраля 2016 г. обеспечивает разведку и наблюдение за перемещением судов в Эгейском море. А операция НАТО «Морской страж» («Sea Guardian»), сменившая 15-летнюю операцию «Активные усилия» («Active Endeavour») (2001–2016) играет комплексную роль в сфере обеспечения морской разведки и наблюдения для операции ЕС EUNAVFOR Med.

Для понимания изменений, происходящих в отношении партнерской политики НАТО важно отметить, что она является частью процесса трансформации Североатлантического союза и результатом реагирования НАТО на изменения параметров безопасности в Евро-Атлантике и мире в целом. Итогом подобной адаптации стало возникновение множества форматов сотрудничества, которые частично дублируют функции друг друга. Подтверждением данного тезиса может служить тот факт, что некоторые страны участвуют в нескольких форматах сотрудничества или же имеют специально созданные двусторонние форматы вдобавок к многосторонним партнерским структурам, что делает партнерскую политику НАТО сегодня недостаточно структурированной, а также подрывает изначальный многосторонний региональный подход к сотрудничеству.

Тем не менее интенсификация политических консультаций по широкому кругу вопросов, рост числа совместных учений и работа по оперативной совместимости с партнерами, – все это позволяет Альянсу, с одной стороны, обеспечить эффективность своей деятельности, в том числе и за пределами Евро-Атлантики, с другой – привязать партнеров к своей оперативной составляющей. Стоит отметить, что одним из решений, закрепленных в итоговой декларации Лиссабонского саммита, стал допуск отдельных государств-партнеров к участию в процессе принятия решений во время проведения операций под эгидой НАТО. Здесь стоит упомянуть участие Катара в операции НАТО в Ливии.

Оперативная совместимость с партнерами лежит в основе интересов НАТО по поддержанию, распространению и улучшению ее военных возможностей, сил и средств. Она призвана также облегчить совместное с партнерами реагирование на вызовы безопасности в будущем, вне зависимости от источника их происхождения.

В этой связи важным для Альянса сегодня является поиск баланса между использованием оперативной совместимости с партнерами в качестве компенсации негативных тенденций, имеющих место внутри Альянса (сокращение оборонных бюджетов государств-членов и их неготовность принимать участие в будущих операциях по кризисному регулированию), и вероятностью превращения НАТО в долгосрочной перспективе в так называемый «Alliance à la carte»².

¹EU – NATO Signing Ceremony and Press Statements. 08.07.2016. Available on the NATO website as a video.

²Godzimirski Cf. Jakub M., Græger N. and Haugevik K.M. Towards a NATO à la Carte? Assessing the Alliance's Adaptation to New Tasks and Changing Relationships. NUPI-Report. Oslo: Norwegian Institute of International Affairs [NUPI], 2010.

Бюллетень публикуется Отделом проблем европейской безопасности Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:

Академик В.Г. Барановский

Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин

Д-р полит. наук Д.В. Ефременко

Д-р полит. наук А.И. Никитин

Канд. истор. наук А.В. Загорский

Главный редактор – канд. истор. наук Т.Г. Пархалина

Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова

www адрес:

http://www.inion.ru/index.php?page_id=487

всего выпусков: 59 (на конец 2016)

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-2172